

Сергей Волков

Аксолотль

Часть сборника
Академия Шекли (сборник)

Сергей Волков

АКСОЛОТЛЬ

«ЭКСМО»

Волков С. Ю.

Аксолотль / С. Ю. Волков — «Эксмо»,

«Наша страна – аксолотль. Навечно застыв в фазе личинки, она непостижимым, не поддающимся разумному объяснению образом научилась длить эту стадию вечно, порождая всякий раз нового аксолотля, ещё более ужасного и безобразного, нежели прежний. Только разорвав этот порочный круг, только отбросив неотению, мы сможем вырваться, пробиться наверх – к свету, к свету...»

© Волков С. Ю.

© Эксмо

Сергей Волков

Аксолотль

повесть

– Ольга Петровна, а чего это к нам «перевозка мебели» во двор пожаловала? Переезжает, что ль, кто?

– Да нет. Это, небось, за вещичками из тридцать третьей квартиры...

– За профессорскими? Ой, вот страсти-то какие. Жил человек – и не стало человека. А отчего помер-то?

– Участковый говорил – без вести пропал. Вышел, наверное, горемыка, из дому, да сердце и прихватило. Так и схоронили где-то безымянным...

– Да уж...

* * *

Александр Иванович Мендин всегда любил май. С юных лет его завораживала могучая, природная энергия последнего весеннего месяца.

Её ощущали все – и деревья, и трава, и кошки, и птицы, и рыбы, заключённые в стеклянные миры аквариумов. Все, кроме людей, слишком занятых своими сиюминутными делами, чтобы прислушиваться к окружающему их миру...

Тот день начался с примечательного события – Мендину впервые за долгое-долгое время позвонил незнакомый, неизвестный ему человек. Этого не случалось год, а то и больше. Звонивший представился координатором Московского клуба аквариумистов и пригласил Александра Ивановича прочесть лекцию на тему содержания и разведения земноводных, посулив приличный (вдвое больше скудной профессорской пенсии!) гонорар.

Май ли виноват, нужда ли, тема ли лекции – так или иначе, но Мендин дал согласие. Клуб, как объяснил звонивший, арендовал помещение на бульваре Оруэлла, (бывшем Гоголевском), в здании, где когда-то находилась Московская Биостанция. Неожиданно для самого себя профессор решил отправиться туда пешком. Конечно, в его возрасте такие прогулки сродни подвигу, но на Мендина накатила в тот момент волна животворной майской энергии – и он, прихватив плащ, двинулся в путь.

После трехлетнего добровольного затворничества трудно воспринимать действительность адекватно. Выйдя из дому и оглядевшись, Александр Иванович время от времени непроизвольно замедлял ход, и более того – то и дело соляным столбом застывал на месте, поражённый увиденным. Наверное, астронавт, прибыв на другую планету, не удивлялся бы так, как он, шагая майским солнечным утром по улицам когда-то родного города.

Через два дня всё некогда прогрессивное, а теперь демократическое и политкорректное человечество готовилось отметить очередную годовщину самого святого для России праздника – Дня Победы. Комсомольский проспект, ныне носящий имя Рональда Рейгана, сверкал яркими пятнами билбордов, пестрил лентами перетяжек, трещал на ветру сотнями флагов. Везде – радуга, радуга, радуга... И лозунги. Непонятные, чужие, хотя и написанные русскими буквами.

Вот на огромном плакате улыбающаяся троица: русский лейтенант с ППШ, американский капитан с М1-Гарандом и английский майор со Стэном, а сверху – крупно: «С Днём Победы над тоталитаризмом!». А вот яркая перетяжка над головой, поверх буйства красок пляшут чёрные буквы: «Мы верили в Победу!», и подпись: «У. Черчилль».

Но самый шокирующий плакат Мендин увидел у храма Святого Николая в Хамовниках. С громадного полотнища, полностью закрывающего фасад дома напротив церкви, на него глянули чёрно-белые фельдмаршал Паулюс, генерал Власов и маршал Жуков. Оранжевая надпись внизу сообщала: «Войны начинают политики. А умирать приходится солдатам!»

Ошарашенный сверх всякой меры, профессор прислонился к ограде храма, хватая ртом воздух, точно рыба, выброшенная на песок. Но тут зазвенели колокола, взвыли трубы, захлопали петарды, и из распахнувшихся ворот храма на улицу повалила процессия, настолько странная, что разум отказывался верить в реальность происходящего!

Впереди вышагивали мулла в серебристом халате и белоснежной чалме, раввин, потрясающий пейсами, бритоголовый лама в оранжевой тоге и протестантский пастор в серой сутане, и всяк горланил на своём языке. За ними валили адепты всех этих и иных учений, высоко вздымающие вверх религиозные символы – полумесяц, семисвечник-менору, бунчук с Оком Будды, распятие и прочее. Хлопали крыльями привязанные за лапки белые голуби. В воздухе плыли ароматы благовоний. Синий дымок от многочисленных курильниц свивался в кольца вокруг белых полотнищ с иероглифами синтоистов. Бородатые пятидесятники басили псалмы. Оборванные дервиши кружились в экстатическом танце, выкрикивая имя пророка. Мрачные сикхи в шёлковых чёрных тюрбанах размахивали блистающими саблями. Плясали украшенные перьями индейцы, их разрисованные тела казались пластиковыми. Обряженные в холщовые рубахи и порты язычники волокли деревянных идолов, вымазанных то ли краской, то ли кровью.

Бухали барабаны.

Звякали бубны.

Дребезжали гонги.

Вокруг бегали и визжали от восторга дети...

Толпа запрудила весь проспект и двинулась по нему прочь от храма. Последним шагал, глядя в землю и монотонно приговаривая: «Отче наш, иже еси на небеси...», облачённый в парчовую ризу тщедушный попик. Борода венником, нос картошкой, в руке – чадающее кадило.

– Батюшка! – обратился Мендин к нему, шагнув с тротуара на мостовую. – Батюшка! Это что ж такое?!

– Радостное слияние всех верующих под эгидой экуменизма, кое есть единственно верное религиозное учение, сын мой! – не поднимая глаз, прохрипел поп и снова затянул свое: – «Отче наш, иже еси на небеси...»

Профессор посмотрел ему вслед, и вдруг, повинувшись душевному порыву, повернулся к храму, поднимая руку для крестного знамения. Рука так и застыла на полдороге – с куполов на Мендина оскалились ярким золотом толстенькие, какие-то ювелирно-гламурные сердца, вознесённые на тонких серебряных спицах высоко в небо.

Он охнул и побрёл прочь, а в голове стучало: «Боже, Боже...»

* * *

Из дневника профессора Мендина:

«Мой дом – моя крепость. По крайней мере, я верю в это.

Хочу верить.

Пытаюсь...

Здесь все – мебель, обои, портьеры, даже дверные ручки – устроено по моему вкусу. Я люблю тёмную полировку, абажуры с кистями, бронзу в обиходе и растительные орнаменты. В свое время я не поскупился на обустройство жилища.

Свое время... Мое? Да, наверное, то время и было по– настоящему моим, хотя мне-то тогда как раз казалось, что я ненавижу его.

Но я жил! Жил в полную силу. Кафедра, лекции, семинары, лаборатория, симпозиумы и конференции. Деньги, чёрт возьми! А ещё семья: дети, жена. И наш кружок, конечно. Обсуждения, споры, полночные бдения, дискурсы, диспуты...

Всё прошло. Всё кончилось. Нет, даже не так: все рухнуло. Остался запах пыли, тишина, тёмные квадраты на обоях там, где раньше стояли стеллажи с аквариумами, чёрствый хлеб и дешёвый травяной чай. Пенсия. Старость. Закат отгорел, наступили сумерки жизни.

И ещё остался ОН в круглой тридцатилитровой банке аквариума. Соломинка, за которую хватает утопающий... Да чего там – утонувший!

Утонувший во времени...

Я стою у окна. Ночь темна. Улица, фонарь, аптека. Жизнь моя, иль ты приснилась мне? В старости начитанность становится проклятием, хочешь – не хочешь, а думаешь цитатами: тысячи прочитанных книг теснятся у тебя в голове.

Зачем я жил? Для чего? Мне мучительно больно. Нет, не за бесцельно прожитые годы. Остались научные работы. Есть дети и внуки, хотя я и вижу их очень редко – всё же до Америки далеко даже по меркам нашего футуристического века.

Мне больно изнутри. Монстр пожирает меня. Это странно, это ирреально, но это так. Он где-то там, за стенами с „ласточкиными хвостами“, за заборами и тонированными окнами особняков, в дорогих лимузинах, в мягких креслах личных самолётов – и во мне. Наверное, это оттого, что и я тоже приложил руку к его появлению.

Вначале мы ничего не поняли...

Нет, пожалуй, начать нужно с другого. Наш кружок самозародился ещё на излете Оттепели. Что мы, молодые, весёлые, хмельные не столько от вина, сколько от времени, делали в ту пору? Пели, пили, говорили... „Вы слышите, грохочут сапоги?“ Первым испытанием оказалась весна шестьдесят восьмого. Нам, как в античной пьесе, было сказано: „Ite, missa est“, идите, все кончено».

«О доколе, доколе, и не здесь, а везде будут Клодтовы кони подчиняться узде? И всё так же, не проще, век наш пробует нас. Можешь выйти на площадь, смеешь выйти на площадь в тот назначенный час?!», – устами Галича вопрошало время. Кто-то смог. Мы – нет.

Мы, чего греха таить, зажали по карманам огромные кукиши, но так и остались дома. Солженицын под копирку, треск в динамике «Спидолы», кухня как оазис свободомыслия – и разговоры до утра.

Время сломало нас об колено, и вот такие, переломленные, мы жили. А те, кто правил нами, не понимали, что нельзя опираться на сломанное...

Ах, как мы радовались в девяносто первом! Какие синие птицы парили над нашими головами! Это была наша победа, наш праздник. Но другие усадили победу в серебристый «мерседес» и смело полезли ей под юбку, едва клацнувшая дверца отсекала восторженную толпу.

Однако мы выжили и тогда. Горечь разочарования, оскомины ненависти – с этим тоже можно жить. Мы приспособились, а некоторые – так даже и весьма неплохо устроились.

Вновь наш кружок, поседевший, поредевший, начал собираться, когда над страной замаячили, как нам тогда казалось, старые, жуткие тени. И мы опять говорили. И мы писали. И нас даже публиковали.

Так что в монстре, который пожирает нынешнее время, есть и капелька нашей крови. Мы взрастили, выкормили его, убоявшись, что опять наступила эпоха, когда перед нами встанет вопрос: «Можешь выйти на площадь?»

«Это компрадорское государство!», – яростно кричал Толик Длукер. «КГБ не может породить ничего светлого!», – вторила ему Эллочка Бахтина. «Возврат к монополии одной партии на власть – это конец всему!», – веско заявлял Вадик Симонян. «Имперские амбиции губительны для России!», – уверенно резал Эдик Гальперовский.

Мы не сомневались – стоит только демократически решить проблему передачи верховной власти, и всё: Россия воспрянет ото сна, птица-тройка наконец-то свернёт с грязных просёлков на столбовую дорогу и помчится в будущее, которое обязательно, непременно окажется лучше настоящего...

О, какими же мы оказались слепцами! Куда там Гомеру, Мильтону и Паниковскому... Пока мы тут воевали с ветряными мельницами, порождёнными наши же фобиями, где-то, да собственно говоря, известно где! – уже был написан сценарий, проведен кастинг, и деньги легли на счета исполнителей главных ролей.

А началось все безобидно и даже весело.

Второй Московский Всемирный фестиваль фолк-музыки. На площадях столицы били тамтамы и выли трембиты. Радостная молодежь отплясывала в свете прожекторов, и тысячи разноцветных воздушных шариков кружились над Москвой, сливаясь в фантастическую какофонию цвета. Эллочка сказала тогда: «Как будто радугу взяли – и перемешали». Радугу... Она как в воду глядела!

Никто не заметил их появления. Но как-то вдруг, неожиданно, все площади и центральные улицы оказались запружены толпами юнцов и юниц. Бедновато одетые, лохматые (Уже, уже тогда они отпускали волосы!) подростки потеснили танцующих мажоров, плотной массой окружая сценические площадки, на которых по-прежнему грохотали туземные барабаны.

Финальный концерт фестиваля состоялся, как водится, на Красной площади. Вип-трибуны, места для иностранных гостей, оцепление, огромная эстрада, зиккурат Мавзолея – и пирамиды колонок вокруг...

Президент появился перед самым началом, и сотни телекамер десятков телекомпаний показали, как он, улыбчивый, подтянутый, своей знаменитой спортивной походочкой идет по брусчатке. Никто не подумал тогда, что это сигнал, *casus belli* для посвящённых.

Тут все и случилось: орды лохматых подростков смяли заслоны, и с двух сторон – с Манежной и с Васильевского спуска – потекли на Красную площадь. Возникла сумятица. Милиция попыталась было навести порядок, но куда там...

Снова грянули тамтамы, взвыли трембиты, развернулись укрытые до поры под полами курток белые знамена с семицветной радугой, и над центром Москвы загремело в прямом эфире, запульсировало в такт африканским ритмам одно слово, обращенное к одному же человеку: «У-хо-ди! У-хо-ди!! У-хо-ди!!!»

И сотни камер снимали это, и десятки компаний передавали это. Мир вздрогнул и затаил дыхание. Мир понял – на его глазах творится История...

Президента спешно эвакуировали. В Москву двинулись колонны армейских грузовиков с бойцами дивизии имени Дзержинского, а в Таманской и Кантемировской дивизиях грели моторы БМП и танки.

Столичный ОМОН стянули к зданию Манежа. На Октябрьской площади в авральном порядке формировались бригады добровольцев – бить лохмачей. Но потоптавшись у поста-мента памятника вождю мирового пролетариата, волонтеры посчитали за благо тихо ретироваться, лишь отдельные группы крепких парней с бритыми затылками шныряли по переулкам в центре города, пытаясь спровоцировать столкновения между митингующими лохмачами и милицией.

Первая ночь на «Радужном майдане», как тут же окрестили Красную площадь, прошла относительно спокойно. Утром президент выступил с обращением к гражданам России. Он говорил правильные и понятные вещи – про порядок и конституцию, про демократию и законность, про недопустимость использовать молодежь в политических целях, и так далее. А над Москвой все гремело: «У-хо-ди! У-хо-ди!! У-хо-ди!!!», и даже рокот барражирующих в синем весеннем небе «Ночных охотников» не мог заглушить этот рефрен. Наверное, если бы в Кремле нашёлся кто-то, кто отдал бы приказ применить силу, «радужная революция» на

этом и закончилась бы. Но решили иначе: ничего не предпринимать, мол, молодежь – наше богатство, пошумят-постучат, да и разойдутся.

Новые отряды лохмачей, подтянувшиеся из Подмосковья, рассеяли ОМОНовские кордоны. Солдатики-дзержинцы братались с митингующими, угощаясь папиросками. Над толпой плыл сладковатый, отнюдь не табачный, дымок. Молодняк хохотал, раскрашивая из баллончиков лошадь маршала Жукова.

Потом зазвенели витрины – голодная толпа принялась громить магазины и офисы. События грозили выйти из-под контроля. Из Кантемировской дивизии сообщили, что соларка кончается и надо что-то решать – или завозить ещё, или давать команду «отбой».

Именно в этот момент я понял, отчего рушатся глиняные колоссы – они рушатся от гово-рильни. Правительство заседало, президент выступал, олигархи выжидали. Помню, мне тогда приснилось, как Лев кричит из могилы: «Пассионария! Полцарства за одного пассионария!».

Тщетно. Столица погружалась в хаос. Власть, как бывало уже не раз, легла на землю и ждала того, кто поднимет её и поведёт «в нумера». И такой человек появился, причём появился он в нужное время, и в нужном месте. Его знали и раньше – полуоппозиционный политикан, этакий баловень судьбы, умело играющий на политической конъюнктуре, кулуарная кличка «Хомяк». Но никто не ожидал, что именно он станет лидером лохмачей...

Ультиматум Хомяка оказался коротким и веским: «Демократия под угрозой... именно поэтому молодежь... самая здоровая часть общества... больше не можем терпеть... промышленность развалена... армия опущена... беспризорные дети... нищие старики... отставка президента и правительства, роспуск думы... прозрачные выборы под контролем... национально ориентированное государство... свобода предпринимательства... Россия устала... Россия больше не может... Россия... Россия... Россия...»

И сутки на размышление.

«Радужный майдан» ответил довольным ревом, и громче прежнего зарокотали тамтамы!

Наш кружок заседал непрерывно. Мнения разделились – одни были за лохмачей, другие опасливо предлагали подождать, смущенные репутацией Хомяка. Однако сторонники «радужной революции» победили, и в итоге Эллочка, попутно собрав по своим каналам четыре десятка подписей, переправила через знакомых на CNN и в Reuters открытое письмо российской интеллигенции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.